

ГЛАЗА РЕАЛЬНОСТИ

Посвящается Сергею, чья скорбь настолько тягостна, что он предпочел заключить ее в безмолвии.

Примечание

автора!

Когда тебе по-настоящему плохо, ты не способен плавно и лаконично передавать свои мысли. В такие моменты, забегая вперед с переменными возвращениями назад, ты тушишь пожар своей боли и переживаний обрывистыми, подчас короткими, невяжущимися между собой словами и предложениями, которые, как ты чувствуешь, способны сейчас погасить наиболее острые очаги пламени твоих душевных страданий.

Неизвестный

автор

1

Это был понедельник, день, который я ненавижу. Именно с него начинаются тянущиеся серые будни с их однообразной рутинной.

Я шел со школы домой, покручивая на пальце вязку ключей, которая постоянно мне мешала, когда находилась в, и без того, набитом кармане джинсов. Мой неспешный шаг, то и дело опережали болтающие о чем-то своем прохожие. Серый, пасмурный день, навевал сонливость и полное равнодушие ко всему, что происходит вокруг. Начавшаяся неделя, абсолютно не давала никакого повода для ожидания чего-то радостного и яркого. В такие моменты у меня всегда возникало желание оторваться на всю катушку, не задумываясь ни о каких последствиях, всегда, но только не сегодня.

По дороге мне встретилась скамейка, и я остановился, чтобы присесть. Ноющая боль в горле не покидала меня ни на минуту. Достав из кармана блистер, я выдавил очередную таблетку на ладонь и отправил в рот. Больное горло крайне негативно реагировало на любые раздражители, в частности и на процессы сглатывания слюны. Отказавшись в очередной раз перетерпеть острую боль, я совершил плевок на землю.

- Слушай, ты, школяр! – послышался неожиданный грубый голос у меня из-за плеча. – Тебе может веник дать, чтоб ты свинство свое убрал?! Наплюют, набросают всякой дряни, ходи потом убирай за ними, мерзавцами. Не молодежь, а сплошная сявота полупреступная – пробурчала грузная дворничиха и принялась дальше мести территорию.

В тот момент я бы ничего не смог ей возразить, если бы даже захотел. Боль в горле продолжала разрастаться по ротовой полости с какой-то невообразимой быстротой. Мне казалось, что я проглотил стакан мелких, ржавых гвоздей, которые своими концами впились мне в глотку. Все это отбивало всякую охоту не только с кем-то о чем-то говорить или спорить, но и даже двигаться. Дворничиха попыталась еще что-то сказать, но мне уже было не до нее. Встав со скамейки, я направился домой с твердым желанием выпить стакан горячего домашнего вина, заесть кусочками сыра, чтобы как-то смягчить горло, и улечься спать. Больше мне ничего не хотелось.

2

Приближаясь к дому, я увидел отца, который весь взъерошенный, с каким-то недовольным видом быстро вышел из подъезда. Такое поведение не было для него характерным, и потому я почувствовал что-то неладное. Сидящие на скамейке соседи в неизменном составе бабушек и других любителей потарахтеть ни о чем, вооружившись семечками и кучей сплетен, начали оживленно перешёптываться, проводя уходящего, скорым шагом через двор, родителя. Кстати стоит отметить, что наш двор, как раз является излюбленным местом того контингента людей, которых встреченная мной сегодня дворничиха ласково назвала «полупреступной сивотой». Шприцы, презервативы и бутылки – одни из главных атрибутов детской площадки. А если говорить о наших властях, которые вроде бы как немного обязаны поддерживать порядок в городе, то они, кроме как заниматься своей, перенятой еще из страны советов, лицемерной демагогией, больше ничего не могут. Хотя это касается не в меньшей степени, как нашего менталитета, так и каждого из нас по отдельности. Все хотят жить лучше, достигнуть большего, успеть много, но вот только действия, которые нужно направлять в сторону своих желаний, ограничиваются почему-то лишь дурацкими мечтаниями и разговорами. Подавляющее большинство не хочет даже попытаться что-то изменить или сделать хотя бы на каплю. Такой вариант их не устраивает. У них нет времени мелочиться. Им нужно все сразу, как можно больше глобальных изменений и масштабных свершений. На меньшее никто не согласен. А потому каждое двуногое существо, способное к своему любимому занятию говорить, лишь этим занятием и ограничивается, по-черному завидуя другим которые привыкли работать, но только в отличие от него, не языком.

Когда отец исчез из поля зрения «лавочной» компании, все снова успокоились и принялись дальше обсуждать актуальную на сегодняшний день для них сплетню. Я прошел между ними, оборвав «столь интересный» разговор своим присутствием.

-Здрасьте... – процедил сквозь зубы я, жертвуя спокойствием немного поутихшего горла ради приветствия завистливых соседей-сплетников. Простуженная гортань тут же отозвалась тошнотворной болью.

-Здрастуй. – так же «приветливо» ответили соседи. По моей спине и затылку пробежали множество косых взглядов, которые были ощутимы пока я не зашел в подъезд.

Поднимаясь по ступенькам, я услышал доносящиеся откуда-то рыдания. Приблизившись к своей квартире, мне стало ясно, что они доносятся из нее. Дверь была приоткрыта. Кусочек стены был Наверное выбит дверной ручкой, потому что на ней остался след синей краски. Кто-то видимо со звериной яростью толкнул ее вперед настолько сильно, что она распахнулась настежь до стены. Не нужно было быть великим детективом, чтобы догадаться кто это мог сделать, что произошло и кто плачет.

Я прошел в комнату и увидел мать всю в слезах. Не люблю когда взрослые плачут. Для меня это ужасно тяжело. Есть в этом какая-то детская незащищенность и полная непригодность к жизни, которая прячется за маской серьезности и взрослости.

-Присядь, Петенька.... – всхлипывая, пролепетала она. – Как дела в школе? Она не успела собраться с духом, чтобы выложить мне сразу какие-то ужасно отвратительные новости и потому задала этот замусоленный вопрос, который первым пришел ей в голову. Мне не удалось ей подыграть, и я не смог сдержать эмоций.

-Да какая на хрен школа, что вообще происходит, почему ты вся в слезах?! – заорал я.

Мне было ясно, что нельзя кричать, нельзя срываться, нужно держать себя в руках, но только я был слаб, очень слаб, чтобы действовать именно так. Больное горло обожгло пламя огня, порожаемое криком бессилия и возмущения. Я сглотнул, перекинув лицо в гримасе.

-Петя..., Пет...- мама разрыдалась еще больше.

От отчаяния мне захотелось разогнаться и со всей силы трахнуть виском об угол стола. Насколько велико было мое сожаление о том, что я только подлил масла в огонь.

В отцовской пепельнице была куча окурков. Когда он нервничает, то всегда курит очень много. Судя по всему, у него произошел конфликт с матерью или у нее с ним. Да какая разница? Все равно всей неприятной сути это не меняет. Я зашел в ванную, намылил лицо, смыл водой, вытерся полотенцем и, тяжело вздохнув, вышел, для продолжения неприятного разговора.

-Так что случилось? – спросил я, проявляя больше всего ненависти почему-то к себе, видно за то, что не получалось быть сильным.

-Мы с отцом разводимся. У него другая женщина появилась. – холодно сказала мама, выстрелив мне в сердце две пули из двух предложений. – Ему можешь не звонить, трубку он не возьмет, и домой, сказал, больше не вернется. – Мама запила водой две таблетки валерьянки, и снова залилась горькими слезами.

Быть может вас интересует, что я почувствовал тогда? Такие вопросы нет смысла задавать. Человек, который их задает, не имеет интереса к тому, что вы чувствуете и как вы чувствуете. Ему глубоко плевать на это. Ему просто

хочется посмаковать эту тему и посмотреть на ваши реакции в критической для вас ситуации. Каждый человек на любые внешние и внутренние раздражители реагирует соответственно. На хорошее – хорошо, на плохое – плохо. Такого простого ответа более, чем достаточно. Все остальные разглагольствования, сводятся, как правило, к тщеславию, желанию прослыть оригинальным и глупому вранью.

Мне в тот момент было очень обидно, жалко маму и себя. Хотелось заплакать, что я и сделал, уйдя к себе в комнату. Я изо всех сил пытался напрячь свои детские мозги и понять, почему он так поступил. А главное – за что? Что мы сделали такого, чтобы с нами можно было так обойтись? Но поступающего плохо – сложно понять. Зло – нелогично. А точнее сказать – у него своя логика.

Когда у человека беда, то он ищет поддержки в других людях, но чаще всего они не способны поддержать его даже словом. Они ведут себя не правильно, когда беседуешь с ними о важном и наболевшем, как только ты заканчиваешь говорить, они тут же переводят разговор на другую тему, как будто, все это время только и терпели твое нытье, и наконец-то дождались когда ты закончил. Начинают отвлекаться на разные посторонние глупости или же отвечать на телефонные звонки, которые можно было отложить. Люди эгоистичны и самолюбивы. Поэтому я не искал поддержки ни в ком, я мучился и страдал сам. И это было мое личное страдание, не разделенное ни с кем, потому что ни с кем его нельзя было разделить. Для себя в жизни я понял одно – тебе не поможет никто, кроме тебя самого. Ни психолог, ни товарищ, ни дядя Вася с тетей Любой, ни друг, ни любимая девушка, все эти люди не являются тобой, а значит они никогда не смогут понять тебя так, как бы ты хотел, так, как понимаешь ты сам себя. Ты такой один – единственный и неповторимый, а значит свои проблемы, которые тоже одни такие единственные и неповторимые тоже вынужден решать один. Вполне возможно, что это грубейшая ошибка так думать. Но на данном отрезке своей жизни я вижу, что это правда.

Все, кто, узнав об этом, лезли ко мне со своими советами взять себя в руки, перетерпеть, смириться и забыть, были весьма поверхностной и недалекой шелухой, которой так же много вокруг тебя, как и мусора на улице. В их так называемом «понимании» это зовется поддержкой. Человек свой долг выполнил, раз дал «оригинальный» совет, сам перед собой оправдался, что якобы не поступил равнодушно, совесть его чиста и дело в шляпе. Так мы все и живем: лицемерно, фальшиво и дешево. Но в том, что в каждом из нас уже давно царит железобетонное безразличие к ближнему, мало кто самому себе признается. Каждый уверен в том, что он личность, что-то из себя представляет, весь такой вот из себя положительный. Но только его гнусные поступки говорят громче его высоких мнений о себе. Паскудное общество уже давным-давно живет лишь своими интересами, своими страстями и желаниями. Ему безразличен мир, природа, окружающая среда, все это оно изуродовало до невозможности. Впрочем говорить об этом можно долго и

развивать эту тему до бесконечности и все равно от этого ничего не измениться.

То, что произошло в моей семье, касалось только меня и больше никого. «Классические» рецепты отвлечься, взять себя в руки, забыть, выбросить из головы и быть мужчиной не только не срабатывали, но и вызывали лишь остервенение. Как я уже говорил, я ни с кем об этом не говорил, но все, видя мое подавленное состояние пытались меня подбадривать этой ерундой. На любые попытки заговорить со мной, я только огрызался и начинал все больше замыкаться в себе. Меня перестали интересовать школьные общения и вся остальная молодежная белеберда, которая нам сопутствует еще с детства, чтобы успеть сожрать побольше драгоценного времени.

Я продолжал переживать, мучиться и долго не мог заснуть по ночам. В школе никогда не задерживался, потому что меня раздражало абсолютно все. Пребывать дома мне тоже не хотелось, потому что, когда я видел как страдает мама, мне становилось еще хуже. Слоняясь по улицам города, я жевал эту резинку своих невзгод и проблем.

Нужно было время, много времени, для того чтобы саднящая душевная рана начала хоть немного затягиваться. Тем более, что для таких людей как я, ничего никогда не проходит просто.

3

Однажды за столом мама проговорила мне о том, что она сильно болеет. Оказывается, после того события, у нее начались серьезные осложнения с сердцем. Эта новость добила меня окончательно. В тот же день я пошел и купил бутылку водки. Мне много раз доводилось видеть по телевизору, как люди заливали ею свое горе. Матери дома не было, она уезжала к бабушке на четыре дня. Я пил и плакал. После третьего стакана меня вырвало. Больше к водке я не прикасался.

Неделю спустя, когда я снова вернулся домой из школы, я увидел на пороге мужские туфли. На кухне с мамой сидел незнакомый мужчина и о чем-то с ней разговаривал.

-Здорово, боец! – выпалил громким голосом незнакомец и протянул мне свою здоровую руку. – Как настроение? Боевое?

-Настроение нормальное. - вяло ответил я и собрался идти в свою комнату, но он меня остановил.

-Держи на мороженое. – незнакомец раскрыл мою ладонь и положил туда свернутые в трубку деньги.

Я не знал сколько там было. И мне было все равно. Мне не хотелось брать эти деньги и поддаваться таким дешевым трюкам. По такому поведению сразу видно, что человек невоспитанный и нетактичный. Мы с ним ни разу даже не виделись, а он ни с того ни с сего сует мне свои деньги, называет бойцом, интересуясь при этом, какое у меня настроение.

-Спасибо не нужно. – отрезал я и протянул ему на ладони деньги обратно.

-Я ж говорю, купишь мороженое. – уже без улыбки ответил незнакомец и с заметной силой сжал мне ладонь с деньгами.

Наши взгляды встретились. Его и мой. Мой – несчастный и унылый. Его – грубый, властный и жесткий. Он был сильным, я – слабым. Мне пришлось их взять.

-Тебя как звать? – спросил наглый незнакомец.

-Петя. – сухо ответил я, сжимая деньги потной ладонью.

-Петром значит, а меня Виктор Сергеевич, будем знакомы. – улыбнулся незнакомец и снова протянул мне свою здоровенную руку.

Он был очень большим, мощным. Видимо часто посещал спортзал. Скулы на его лице были сбиты. Возможно, он занимался боксом. Но его лицо было какое-то недоброе, что-то в этом лице отталкивало и вызывало неприязнь.

Мне ничего больше не оставалось, как пожать ему руку. Точнее положить свою маленькую ладонь в его грубую, здоровую клешню.

-Ну ладно, иди в свою комнату, мы пока с твоей мамой здесь поговорим. – сказал Виктор и отвернулся от меня.

Мне не нравилось такое хамское к себе отношение. Уж слишком он себя вольготно вел и чувствовал в чужом доме. Но мама не разделяла моего мнения по поводу Виктора. Судя по ней, она была от него в большом восторге и видела в нем наилучшую альтернативу отцу. Не нужно было быть весьма проницательным и дальновидным, чтобы предугадать события, которые будут происходить в дальнейшем.

4

Шло время. Виктор стал появляться в нашей квартире гораздо чаще. И хотя его общество было мне очень противно, я терпел его, терпел только потому, что жалел маму. Уяснив график посещений Виктора, я старался куда-нибудь уходить, когда он приходил.

Мама всячески старалась сблизить меня и Виктора, но меня это только еще больше отталкивало от него. Сам же Виктор Сергеевич тоже не очень-то настаивал на общении со мной. Надев на себя маску благородного, чуткого и отзывчивого человека, каковым хотят казаться все среднестатистические ухажеры в первое время ухаживаний, он все дальше втирался в доверие к моей матери, полностью игнорируя меня как члена семьи, в которую он бесцеремонно ворвался.

Чтобы ухаживать за своей старой матерью, в смысле за моей бабушкой, мама часто уезжала и, бывало отсутствовала по четыре, а то и по пять дней. Степень доверия к Виктору у нее возросла настолько, что она стала доверять ему ключи от квартиры. И это было то, чего я не хотел больше всего.

В один из дней, когда мама поехала навещать бабушку, я вернулся из школы домой с непреодолимым желанием прилечь отдохнуть. Я вставил ключ в дверной замок, повернул его и понял, что дверь была открыта. Виктор был дома и смотрел телевизор. Не поздоровавшись с ним, я пошел в свою комнату,

разделся, и прилег на диван. Это мне всегда необходимо, чтобы прийти в себя и немного успокоиться от постоянного пребывания в стрессе. В дверном проеме появился Виктор и пристально стал смотреть на меня. В его взгляде читалась какая-то наивысшая степень раздражения. Тогда мне стало ясно, что в его лице было настолько отталкивающим. Это были его глаза. Они были какими-то злыми, безумными и необыкновенно черными.

-Тебя что не учили здороваться? – прошипел он.

-Почему вы так со мной разговариваете? – возмутился я, не ответив на его требовательный вопрос. – Мне нужно отдохнуть, чего-то мне не хорошо, пожалуйста, оставьте меня.

На последней фразе я повернулся на бок, но вдруг почувствовал, как он схватил меня за ногу и резким движением сбросил на пол.

-Я тебя отучу мне дерзить. – закричал он. – Отныне я твой отец, и никто другой.

Виктор перевернул меня на спину и стал сильно бить в область поясницы. Острая боль мгновенно пробрала меня, словно током и я закричал.

-Заткнись! Заткнись тварь! – орал он. – Закрой свой поганый рот, а не то я тебя совсем изувечу!

Я замолчал, заливаясь слезами. Проглотив всю горечь боли, ужаса и обиды. Виктор схватил меня сзади рукой за волосы и произнес:

-Отныне ты будешь называть меня папой! Понял меня?!

-Да...- всхлипнул я.

-А теперь повторяй: «Прости папа, я больше не буду».

Эта скотина ликовала. Чувствовала свое превосходство над беззащитным объектом своих издевательств. Выродок, который пришел на смену предателю. Предателю, который променял свою семью на какую-то стерву. Предателю, которому было плевать на то, что происходит сейчас с его сыном.

-Прости, папа, я...я больше не буду.... – пробормотал я.

-Уже лучше. Теперь ты в следующий раз трижды подумаешь, прежде чем хамить.

Виктор отпустил мои волосы, резко толкнув при этом голову вперед, обозвал меня сосунком и ушел в зал смотреть телевизор.

Я чувствовал себя униженным, растоптанным и самое главное лишним. Лишним в этом мире жестокости, насилия и несправедливости. Утирая слезы на глазах, я побрел в ванную комнату.

Опершись на умывальник, я посмотрел в зеркало на свое обезображенное обидой и только что перенесенным издевательством лицо. Глаза, наполненные слезами, смотрели на своего хозяина из унылого отражения. Повернувшись лицом к зеркалу, я приподнял футболку. В области почек красовались красные следы от нанесенных ударов Виктора. Боль была невыносимая. Хотелось кричать навзрыд, но я боялся, боялся его повторного насилия за мой плач. В тот момент мне больше всего хотелось увидеть отца и посмотреть в его бесстыжие глаза. Сказать ему все, что я о нем думаю. Вернее прокричать все то, что наболело у меня внутри. Он предатель. И таких, как он

– миллионы. Живущих ради собственного удовольствия. Ищущих оправдания своим мерзостям. Бросающих свои семьи на произвол судьбы. Это существа, с руками и ногами, с волосами, со способностью смеяться и говорить, и с другими признаками людей, но только это не люди.

Умыв лицо, я присел на край ванны и задумался. Тяжелые мысли переполняли голову. Мне было плохо. Очень плохо. Так плохо, что казалось, будто бы окружающие тебя предметы шевелятся и двигаются. Вы меня понимаете? Закрытая на замок дверь ванной комнаты создавала некую иллюзию безопасности и изоляции от окружающего мира. Эта иллюзия вызывало какое-то сумасшедшее желание просидеть здесь очень длительное время. Казалось, что все плохое что может быть, можно, и нужно переждать здесь. Но это были мои детские фантазии и мечты, которые никак и никогда не смогут угнаться за реальностью.

Я вышел из ванной и побрел в свою комнату.

-Будешь болтать о том, что произошло – пеняй на себя. – слышалось из зала.

Реакцией на его слова было мое тяжелое молчание. Молчание скорбящего, которое говорит громче слов. Этим молчанием он был доволен. Для него это было главное на пути к его цели сломать и подчинить. И на пути к этой цели он не остановится.

Мальчишки во дворе очень часто любят преподносить себя в образе крутых парней, который они перенимают из безумного кинематографа, чтобы поведываться перед девчонками для завоевания их симпатий. Что же касается меня, то в тот самый момент мне стало ясно о себе абсолютно все. И то, что я представлял из себя на самом деле, стояло тогда и всхлипывало перед зеркалом. В известном фильме «Рокки» с Сильвестром Сталлоне в главной роли есть очень мудрые слова о том, что неважно насколько сильно ты можешь бить, важно насколько ты сам можешь держать удар. Мне понимается это больше в переносном смысле, нежели в прямом. Тогда было ясно, что держать удар я не могу. И переносить подобные обиды со скорбями мне не по силам. Перемены, которые произошли в нашей семье, послали меня в глубокий нокаут. Я понимал, что сломаюсь, если не сейчас, то обязательно потом. Эта тварь просто так не уйдет из моей, а уж тем более из маминой жизни. Да и к тому же мама от него в восторге, а о том, что произошло, нельзя ей рассказывать даже при всем желании. Второго удара она не перенесет. Ради того, чтобы пощадить ее больное сердце, я обязан был молчать. Обязан был врать и прикидываться, что все хорошо. Обязан был держать это в себе и не рассказывать никому, потому что практически никто и никогда не умел хранить секретов. Люди выбалтывают их по-невнимательности или со скуки, или же для того, чтобы показать другим, что они обладают очень ценной информацией для привлечения тем самым к себе внимания окружающих. Мне очень хотелось поделиться болью с кем-то, но я не мог. Да и к тому же круг моего общения постепенно сузился к нулю. Люди все больше стали замечать мое подавленное состояние и попросту стали избегать общения со мной. Им не интересен человек, у которого беда. Им нужны люди, у которых все

хорошо, с которыми «прикольно», «гламурно» и весело. Так было всегда и так будет всегда. Не стоит тешить себя дурацкими иллюзиями о том, что кто-то тебе поможет. Под словом «поможет» я подразумеваю существенную, значительную помощь. Про такую помощь можно забыть. Для людей ты мусор. Такой же ненужный, как на свалке. Ты можешь со мной спорить, только я не буду спорить с тобой. Я знаю, что это так и для меня этого достаточно....

5

В моменты, когда нам доводилось обедать вместе, мне было особенно тяжело. Актер из меня был никудышный. Стараясь сдерживаться чтобы не дать волю слезам, я понимал, что у меня получается очень плохо. Особо острые приступы жалости к себе и к матери наступали в тот момент, когда мама ласково спрашивала меня о том, что случилось.

Виктор, который был самым настоящим волком в овечьей шкуре, мог бы свободно получить оскара за роль доброго и заботливого человека. Его таланту прикидываться стоило бы поучиться многим профессиональными актерам.

За период долгого пребывания Виктора в нашей семье происходило очень многое. Но это многое я носил под печатью молчания. Со временем, я полностью понял его психику. Он никогда не прощает неповиновения и всегда способен брать силой. Маме же в этом отношении очень повезло, потому что ему, сразу удалось расположить её к себе, и пока что она не выказывала протеста. Но рано или поздно это должно было произойти. И если это произойдет, тогда все. О последствиях даже страшно подумать. Поэтому я не думал. Старался не думать вообще ни о чем.

Обо всем, что Виктор творил со мной в мамино отсутствие, у меня не хватит сил рассказать в интересующих вас подробностях. Если вы когда-нибудь слышали о мужчинах, которые «пользуются» мальчиками, то тогда можете представить, что довелось перенести мне. Виктор не проявлял разнообразия. И всегда действовал по стандарту. Сначала бил в поясницу и по почкам, а затем..... Затем происходило это....

Я не знаю, что случается в голове людей, которые страдают сексуальными извращениями, но это неопишимо мерзко и ужасно. Когда ты, заливаясь слезами лежишь под стокилограммовым куском раздраженного извратом и похотью мужского мяса, которое хрипит и тяжело дышит тебе в ухо, ты жалеешь о том, что родился на свет....

6

Мне всегда хотелось иметь собаку. Как и Малышу из знаменитого мультфильма про Карлсона. Только не агрессивной, а дружелюбной породы. Я где-то читал, что именно такой породой являются лабрадоры.

Мое желание иметь четвероногого друга особенно усилилось, когда я остался практически один со своей бедой. Я довольно часто разговаривал о

лабрадорах с мамой и однажды, прийдя домой, увидел маленького щенка, которой сидел в коридоре и умными глазами смотрел на меня. Мне стало ясно, что мама откликнулась на мое желание и решила подарить мне собачку. Щенок был действительно породы лабрадор. Он был очень красивый и смешной, а главное - приветливый. Я назвал его Лаки, чтобы он всегда был удачливым.

7

Мне было хорошо с ним, а ему со мной. Я купал его. Выходил с ним на улицу. Когда мне было особенно плохо, Лаки это чувствовал, приходил ко мне и ложился рядом. Лаки облегчил мои страдания. И то, что собака – друг человека, действительно правда. Собака любит хозяина, не смотря ни на что. Даже если хозяин не отвечает такой же взаимной любовью. На такую преданность и любовь люди не способны. Я был очень благодарен маме за пса.

8

В один из дней, Виктор пришел домой пьяный. Мама снова уехала к бабушке, а я вместе с Лаки лежал в комнате, практически дремая, потому что всю ночь не спал. Виктор, шатаясь, зашел в зал и бухнулся одетым на диван. Наступила тишина. Из зала не доносилось абсолютно никаких звуков, и я заснул.

Проснулся я от ощущения вонючего перегара. Виктор стоял надо мной и сдерживал рвотные рефлексy.

-Вставай, сука! Иди убери....- пробурчал он и на последнем слове вырвал на меня куском желтой блевотины.

Меня самого едва не стошнило. Виктор дернул меня за руку, не дав мне возможности отряхнуться от этой гадости, и потащил в зал. То, что предстало перед моими глазами повергло меня в шок. Весь диван, ковер и пол были в блевотине. Мокрые куски рыжей массы были где угодно.

-Убирай! – крикнул тиран и толкнул меня в сторону своего свинства.

-Я не смогу это убрать, пожалуйста, пощадите меня, мне очень неприятно. – ревел я.

-Убирай! По-хорошему!

Виктор ударил меня в живот и толкнул на пол. Я упал прямо в его рвоту. Он схватил меня за шею и стал нагибать лицом к своему свинству. Пытаясь сопротивляться изо всех сил, я все-таки прикоснулся лицом к куску мокрой рыжей массы. Меня вырвало.

-Ах ты тварь! Сейчас языком будешь здесь все вылизывать! Именно языком!

Когда Виктор приблизился ко мне - я потерял сознание.

9

Очнулся я лёжа на полу среди уже немного подсохшей Викторовой блевотины.

Он стоял и держал Лаки за холку на вытянутой руке через окно. В левой руке у него была бутылка водки.

-Если ты сию секунду не начнешь убирать я выброшу его из окна. – холодно сказал Виктор и отхлебнул из бутылки.

Лаки, еще совсем маленький щенок, жалобно скулил в руке этой мрази. В его черных глазенках читался такой же страх за свою жизнь, как и в глазах людей. Увидев это, я был согласен на все. Но я не смог сдержать своих взвинченных эмоций от ужаса увиденного, и меня снова вырвало.

-Ну все, скотина, я тебя предупреждал. – сказал Виктор и разжал руку.

Лаки взвизгнул и полетел вниз. Я зажмурил глаза и закрыл уши руками. Мне казалось, что если я услышу, как Лаки ударится об землю, я тот час же умру. Мы жили на девятом этаже.

Я сидел на коленях и рыдал. Слезы лились градом. Мне не хотелось жить. Пытаясь щипать себя до крови, мне больше всего на свете хотелось проснуться, облегченно вздохнуть и понять, что это был сон. Но это не был сон. Это была реальность. И эта суровая, гнусная, подлая реальность стояла и ухмылялась у окна, уставившись на меня своими черными, неприятными глазами.

-Неужели вы не боитесь Бога? – спросил его я. – Разве вам не жаль живое существо? Разве так можно? Почему вы такой? За что вы так со мной поступаете?

Я рыдал, задавая вопросы безсердечному извергу. Который убил мою собаку, собаку, которую подарила мне мама.

Нелюдь все таки заставил меня убрать за ним. Сам же он спустился на улицу, взял мертвого Лаки и куда-то понес чтобы где-то выбросить его или закопать. Все это я наблюдал в окно. Слезы не прекращались. Видел, как эта сволочь, пыталась наврать соседям, что якобы Лаки сам упал из окна и что он очень сожалеет. Его жестикуляция была полна лжи и лицемерия. Это была последняя капля.

Я абсолютно не знал, что мне делать. Чувствуя безвыходность, я решил пойти в прокуратуру. Я знал, что мама обо всем узнает, знал, на что я иду. Но больше у меня не было сил.

10

В пятницу, когда его не было дома, а мама все еще была у бабушки. Я собрался с духом и пошел в прокуратуру.

Помню, что долго не мог решиться зайти. Долго собирался с мыслями. Но наконец, решил и зашел. В коридоре сидел дежурный. Я подошел к нему и попросил его выйти на улицу чтобы поговорить. Дежурный видимо почувствовал всю мою боль и потому особенно не спорил, а согласился выйти и поговорить чтобы наш разговор не услышали посторонние. Мы вышли на улицу, он достал сигарету и закурил.

-Понимаете.... – тяжело вздохнул я. – Так вышло, что я являюсь объектом издевательств и насилия в моей семье со стороны одного человека. Он сексуально домогается меня. И..... ну.... в общем....были эти случаи сексуального насилия с его стороны надо мной.... Я думаю вы понимаете меня....

-Я понял. – сказал дежурный. – Ты главное не волнуйся. Скажи, чем могу тебе помочь?

-Может, вы посоветуете какого-нибудь хорошего работника в вашем учреждении, который как раз занимается подобными делами. Ну я не очень в этом разбираюсь, просто видел как-то по телевизору. – промямлил с огромным трудом я, уже полностью сгорая от стыда.

-Назаренко хороший «важняк». – сказал дежурный, затянувшись.

-Извините, не понял. - переспросил я

-Я говорю, Назаренко – следователь по особо важным делам, как раз по таким ситуациям, как у тебя. Зайди в пятый кабинет, сразу направо. Расскажешь ему все как есть, не переживай, он мужик хороший, тебе поможет.

Мы вернулись в помещение. Дежурный показал мне куда идти, а сам уселся дальше читать какую-то книгу.

Я подошел к кабинету, постучал.

-Входите. – донеслось из кабинета.

Я зашел и увидел большой стол. На стене весели какие-то благодарности в рамках. Шкаф, еще советских времен, был полностью забит юридической литературой. Огромное кожаное кресло, на котором так любят крутиться маленькие дети, было повернуто спинкой к двери, так что сидящего в нем не было видно. Судя по всему, следователь повернулся чтобы посмотреть на карту города, которая была прикреплена к стене, это было понятно по деревянной указке, которой он водил по карте.

Когда мне удалось окончательно собраться с духом, я решил говорить сразу все и как есть.

-Понимаете, я являюсь объектом сексуального насилия в моей семье, а так же других издевательств. – выпалил я.

Сидящий в кресле следователь повернулся ко мне.

-Слушаю вас очень внимательно. – сказал Виктор Сергеевич, встав из своего кресла и пронзив меня взглядом своих черных глаз...

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Петя проснулся в холодном поту в своей постели. Это был невероятно кошмарный, но всего лишь сон. В его жизни не было никаких проблем. Теперь он очень хорошо понимал разницу между настоящими проблемами и надуманными. Теперь он был благодарен Господу Иисусу Христу за то, что показал ему эту разницу. Он был очень благодарен Ему. И не просто на словах, а от всей души. За милость Бога и Его всепрощение. За то, что Он не по грехам наказал его, а по Своей Великой Милости показал через такой максимально реалистичный сон, что такое настоящее счастье, как важно уметь ценить то,

что ты имеешь, а не начинать это делать, когда тебя постигают серьёзные скорби. Не искать иллюзорного счастья вне своего сердца в материальных благах, успехах, удовольствиях и популярности. Не искать его в превозношении себя над другими, не искать в отродись и тщеславии. А искать его в выполнении заповедей Господних, в смирении, делах добра и любви ради Бога и ближнего.

Петя понимал, что этот сон был от Бога. Он понимал, что без Бога жизнь может стать похожа на этот страшный сон, что нужно идти в Православную Церковь, в которую он не ходил, хоть и был крещён. Что нужно молиться, каяться и участвовать в таинствах церкви. Он не понимал, откуда это понимание и знание появилось в нем. Но четко знал и понимал, что оно связано с его сном.

... Прийдя в Храм он жадно искал глаза другой реальности. Реальности живого и истинного Бога, Иисуса Христа, который смотрел на него со святой иконы своим любящим и чистым взором. И, чем больше Петя смотрел в Его прекрасные, добрые, исполненные любви глаза, тем больше тяжёлые воспоминания о тех страшных и чёрных глазах из его сна пропадали из его памяти.

Петя понимал, что он не одинок. С ним Бог. И Бог никогда не оставляет человека и не отворачивается от него. Главное – чтобы мы сами Его не оставляли и не отворачивались от Господа. Не слушали лжи и клеветы врага рода человеческого, который обманывает нас через мысли, слова других людей, которые ему служат и через различные иные ловушки, которые расставлены на людей повсюду.

Петя стоял и тихо молился... Возсылая молитвы любви и благодарности Иисусу Христу, Богородице, Ангелу Хранителю и Всем Святым. Глаза святой реальности смотрели на него с икон тихого и уютного храма, расположенного в красивом лесу, куда он пришёл сегодня впервые.